

An abstract painting featuring bold, expressive brushstrokes in a variety of colors including deep blues, bright yellows, vibrant reds, and soft pinks. The composition is dynamic and layered, with some colors appearing more saturated than others. The overall effect is one of intense energy and emotional depth.

Вонс Костыль

Дура

вопс Костыль

Дура

<https://litres.ru/74021471>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дура» — это не оскорбление. Это слово, которое всё меняет.

Сашка Коваль по кличке Костыль — битый жизнью мужик. Детдом, Чечня, три ходки в СИЗО, клиническая смерть. К тридцати четырём он не верит ни в Бога, ни в любовь, ни в завтрашний день.

Маргарита Павловна — майор спецслужб. Двадцать лет в строю. Железная снаружи, хрупкая внутри. Она вербует таких, как Сашка, для войны с криминалом, которая идёт на улицах девяностых.

Она вела его два года. Он должен был стать просто инструментом. Но однажды ночью, под дождём, он крикнул ей в трубку: «Дура вы моя!» И с этого момента всё пошло не по плану.

Это история о девяностых. О воре в законе Громе. О предательстве и выстрелах. О любви, которая оказалась сильнее пули.

И о театре, в который он приходит каждый вечер, чтобы снова её увидеть.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дура

Глава

Дура

Мне было тридцать четыре, когда я впервые попал в театр. Не в кино, не в клуб, не в прокуренный зал районного ДК, где крутили порнуху под видом «ночного киносеанса». В настоящий театр. С бархатными креслами, хрустальной люстрой и запахом пыли и старых духов. Я сидел, оглушённый тишиной, и думал только об одном: как я, Саня Коваль, по кличке Костыль, докатился до такой жизни.

А докатился я просто.

Сначала был детдом в Иркутской области — там меня научили драться, воровать уголь из котельной и не плакать. Потом армия — учебка, Чечня, вторая кампания. Там я научился убивать. И умирать — тоже научился, только не до конца: осколок в бедре напоминал о себе при каждой смене погоды, а ещё три шрама на спине и один под ребром. После армии — девяностые в разгаре, работы нет, зато есть братва. Я стал водителем. Не в такси. Возил людей, которые не любят свет. Возил документы, которые не показывают на почте.

Иногда возил груз, про который лучше не знать. Деньги были, и немалые, но вместе с деньгами пришло и остальное: два покушения, три ходки в СИЗО и одна клиническая смерть.

К тридцати четырём годам я был выжжен изнутри, как старая крышка. Пил много. Спал мало. Друзей не осталось — кто полег, кто сел, кто просто исчез, растворился в лихие времена. Женщины были, но такие же, как я: битые жизнью, с потухшими глазами и пачкой сигарет вместо завтрака. Я не верил ни в Бога, ни в любовь, ни в завтрашний день. Я верил только в одно: рано или поздно пуля найдёт меня. И я был к этому готов.

А потом я встретил Маргариту.

Маргарита Павловна. Я и выговорить-то сначала не мог — язык заплетался. Маргарита Павловна. Будто имя из старого фильма. Будто так звали женщину, которой пишут письма на бумаге, а не эсэмэски.

Познакомились мы в продуктовом магазине. Обычный «Гастроном» на углу, три полки, тусклый свет и продавщица Людка, которая меня знала сто лет. Я зашёл за сигаретами и хлебом. Стоял в очереди, мял пачку в кармане, думал о своём.

Впереди стояла она. Женщина в сером пальто, с корзиной — молоко, гречка, пара яблок. Ничего особенного. Но что-то в ней меня цепануло. Может, то, как она спокойно перебирала мелочь в кошельке, не обращая внимания на очередь. Может, то, как она посмотрела на Людку — не с раздражением, а как-то тепло. Сказала: «Спасибо, Людмила». Не «Людк», не «девушка», а «Людмила». Та аж замерла.

Я тогда ещё не знал, кто она. Не знал, что её «спасибо» и «пожалуйста» — это профессиональная привычка. Что мягкий голос и серое пальто — идеальная маскировка. Что, пока я мял пачку «Примы», она боковым зрением считала номера машин за окном. Что, пока она перебирала мелочь, в сумочке у неё лежало удостоверение на чужое имя. Что её «Людмила» — это не вежливость, а рефлекс: запоминать имена, лица, детали.

Я стоял и смотрел на неё, как баран на новые ворота. А она вдруг обернулась ко мне и говорит: «Мужчина, у вас глаза красные. Вы вообще спите?»

Я опешил. Обычно ко мне с такими вопросами не лезли. «Не твоё дело», — буркнул я по привычке.

Она не обиделась. Только пожала плечами и отошла к выходу. И тут я сам себя не узнал. Я догнал её на крыльце.

«Стой. Извини. Я грубый. Привычка».

Она повернулась, посмотрела на меня — спокойно, изучающе. Я тогда ещё не понимал, что за этим взглядом стоит двадцать лет оперативной работы. Умение за секунду оценить человека: опасен, не опасен, врёт, говорит правду, пригодится, не пригодится. «Привычка хамить? Интересная привычка. Надо бы вам её сменить». — «А на какую?» — «Например, говорить "спасибо" и "пожалуйста". И выспаться. Вы выглядите так, будто вас всю ночь били». — «Почти угадала», — усмехнулся я.

Она не испугалась. Не отшатнулась. Ещё бы. Она знала обо мне то, чего я сам о себе не знал. Знала, где я живу, на кого работаю, с кем сидел и кому перешёл дорогу. Знала мою кличку — Костыль. Знала, что я опасен, но не безнадёжен.

«Меня Маргарита зовут, — сказала она вдруг. — Маргарита Павловна. А вас?» — «Саня. Можно просто Сашка». — «Ну, Сашка, раз уж вы за мной побежали — донесите сумку до автобусной остановки. А то у меня пакет рвётся».

Я молча взял пакет. И пошёл следом. Она шагала легко, быстро, хотя была на каблуках. У остановки остановилась, забрала пакет. «Благодарю. И спокойной ночи. Выспитесь». — «Постараюсь», — сказал я, а сам стоял и смотрел, как она

садится в автобус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.